

ИСКУССТВО УВАЖАТЬ ЗРИТЕЛЯ

Заметки о районных театрах

ФЕМИДА, богиня правосудия, с повязкой на глазах, весами в руке, медленно уплывает вверх. В полумраке к пьедесталу осторожно приближаются двое. Ловко орудуя отмычками, они бесшумно распахивают тяжелые створки и входят в светлую, уютную квартиру... На сцене Павловского театра — комедия Марселя Эйм «Третья голова».

Прокрутор Майягор горд и ставящий сознанием своего превосходства над коллегами — он имеет уже третью голову приговоренного к смертной казни. И с этой «третьей головой» артист Джоз Валорном, у него одна любовница.

Любовная сцена в середине первого акта... А по проходу зрительного зала в полумраке идут двое. Они усаживаются в первом ряду. Кто это? По развязности и бесцеремонности, возможно, исполнители очередной режиссерской «новации» с неожиданными репликами или даже внезапными прыжками на сцену из зала? А может быть, просто опоздавшие зрители?

Оказываются, и то, и другое. Эти двое и смотрят спектакль, и как бы участвуют в нем. Они бурно, во весь голос реагируют на происходящее на сцене и даже кое-что «подсказывают» артистам, смакуют каждую лирическую подробность, — а их в спектакле не занимать, утробно гогочут, когда почти все молчат и когда многим, очень многим не весело, а стыдно и неловко. Стыдно потому, что размыгрываемая актерами история не может не оскорбить нравственного чувства советского человека. Бандиты и убийцы по найму оказываются в сущности добрыми ребятами, наивно и даже трогательно раскрывающими подогретую своего «веселого» ремесла.

И какое дело зрителям, что действие пьесы происходит в капиталистической стране: мотивы социального обличения явно не входили в «сверхзадачу» режиссуры и актерского исполнения.

Не дожидались конца, он уже и так ясен... все останется по-прежнему — двое в ватниках, пропахших бензином, прошествовали к выходу, обмениваясь впечатлениями:

— Вот это постановка!

— А как она...

— А как она...

Шепот и снова торжествующий гогот. Сидевшая рядом со мной поглотив женщина тяжело вздохнула и сказала:

— Слава богу, что я свою Ниночку не взяла. В семнадцать то да на такое безобразие смотреть...

А потом была темная метельная ночь, гололед, снежная мошара, ливнувшая на лобовое стекло. Шофер вел машину медленно, осторожно, сдерживая дыхание. И вдруг ослепило: прямо навстречу с зажженными фарами, на бешеной скорости аччался самосвал. Непонятно, как вывернулся. Шофер, страдая холодный пот со лба, сказал с сердцем:

— Ох, ляха, сукин сын! Чужие жизни в гроб не ставят! Откуда только такие берутся?...

А на подъезде к Горьковскому сводку дачных домов метели слабо мерцали искосы карнальных фонариков. На обочине, беспомощно раскинув руки, неловко подвинув голову, лежала женщина. Миллионер простуженно обронил:

— Вот и все!.. С ночной смены шла... Семья, небось... Лихач какой то шиб и не остановился...

Женщина на обочине... Те двое в театре, гогочущие, радующиеся безаказности преступления... Лихач, мчащийся свихом метель, в ослепленном свете фар... Откуда все это берется?...

ПОСЛЕ «веселого» павловского спектакля как-то особенно грустно смотреть «Сибирскую новеллу» Л. Митрофанова в Дзержинском театре. Да, грустно!

Пьеса молодого драматурга на современную тему о честности и мужестве, о преданности людям, о любви к родине в свой суровый край. В ней немало недостатков, и все же молодость подкупает непосредственностью и чистотой чувств, безудержностью стремлений.

Человек отрешается от своих личных заманчивых планов во имя жизни другого. Люди отступают от своей алчливости, ставшей привычной и дорогой мечты и отдают весь пыл сердца, все помыслы во имя счастья ближнего. В этом они находят свой жизненный путь. Казалось бы, что может быть увлекательнее?

А зритель принимает спектакль холодно, безразлично. Скука, серость, равнодушие на сцене нарастают его за это. Ни одной свежей, искренней и непосредственной интонации, ничего яркого, увлекательного в режиссуре, игре актеров...

Безразлично, равнодушно расхаживают люди по сцене, не открывший в их сердцах ничего нового, на затронувший ничто святого. А ведь еще совсем недавно дзержинцы по праву гордились своим театром, впервые в стране поставившим «Повесть о настоящем человеке».

ХОЛОДНЫМ, полудушой зал Дима культуры посетил Афонин. Балахнинский «театр на колесках», как его здесь именуют, своего помещения не имеет, постоянно разъезжает по близким и дальним деревням и поселкам.

«Домик в овраге» — пьеса Н. Глазкова написана на антирелигиозную тему. Она еще далеко не потеряла своей актуальности, особенно в местных условиях. В каком-нибудь Арамзасе, с его грандиозным собором, на каждом шагу снуют благолепные батюшки, смиренные монахи, по горьковским селам в молитвенных домах проповедуют истинные христиане и евангелисты, адвентисты седьмого дня и баптисты... А вот спектакль вызывает лишь дружный смех одних зрителей, или молчание других.

Актеры истово молились, лицедей-проповедник призывал на верных божью благодать и гневно угрожал веротупу глумкам. Наука, героиня пьесы, покорно склоняла аккуратно причесанную с косичками голову перед суровым ликом богатыря...

Возвращались со спектакля тяжелой морозной ночью. Вдали мирно теплились огоньки поселка. Послышался разговор.

Мужской ласковый басовитый голосок:

— Вот так-то, сестра, теперь сама убедилась, как нас проставлял. А разве у нас так-то?

Женщина, мягко окая:

— Да где там, брат, конечно, и покоего нет. Как это говорится, халтура...

— Ты вечером-то завтра собери пасту. Поговорим, обсудим, посмеемся. Что ж, господь он и радость, и веселее любит, он не во грех, а во спасение...

Почему-то запомнились эти слова. И очень жаль, что их не слышали исполнители спектакля.

Давно известна истина, что лицо театра создает его спектакли. Три спектакля, поставленных тремя театрами. Но попробуйте по ним

определить хотя бы некоторые черты художественного лица коллектива: это невозможно: они безликны.

Объединяет же их во многом отсутствие профессионализма, ремесленного отношения к искусству.

Что такое театр? Казалось бы, вопрос праздный. И все же не лишне коснуться его еще раз. Любой настоящий театр — это ансамбль единомышленников, объединенных общностью идейных и художественных устремлений, профессиональным мастерством каждого из его участников. Тогда театр — праздник, радость, духовное обновление для зрителя, источник его эстетического наслаждения.

Театры районные... Сколько их разбросано по Российской Федерации! И в каждой «картинковой» труппе восемнадцать — двадцать семь человек. Играют они одновременно на двух, а то и трех площадках, ставят параллельно два-три спектакля. Зачастую ни пьют сцены, ни освещения, декорации, ни настоящих костюмов.

Кое-кто возводит это в доблесть: дескать, в таких условиях, а все же работают, несут культуру в народ. Так ли это? Правду здесь сказать нелегко, но сказать необходимо.

Ансамбль... Какой может быть ансамбль, если и без того крошечный коллектив механически делится на две-три группы; когда актеры насильственно подгоняются под не собственные им и даже запрещенные по возрасту, внешним данным, характеру дарованиямпла, когда к концу сезона состав труппы «обновляется» на 40—60 процентов, а режиссер, нередко проработав один, от силы два сезона, отправляется искать другое место?

Примеры? Их сколько угодно. В Горьковской области целых четыре районных театра: Арамзасский, Балахнинский, Дзержинский, Павловский. Начинается сезон, по ложим, в Балахне, и сразу возникает вопрос: что играть? Большие половины актеров и без того маленькой труппы ушло, а их место заняли люди случайные. В спешке ставится любой «подходящий» по количеству действующих лиц спектакль, лишь бы не сорвать открытия сезона. До искусства ли здесь, до психологической ли разработки образов?

Тот же «Домик в овраге». При всех просчетах драматургии пьесы все же можно было сыграть нате-ресе, а для этого необходимых былокое проникновение в образ, умная, талантливая игра актеров. Когда же занимают представительство, когда идет откровенная «игра» и «рвутся» страсти в кло-чье», зритель не видит этому или даже осуждает происходящее на сцене.

В ДЕРЕВНЮ Наченье приехали засветло. Дальне-Константиновский народный театр играет в колхозном клубе «Не все куто маслянида». Воскресенье... А многие зрители пришли, видимо, прямо с работы, закончив кормление и дойку коров, трепанье льна. Зал набит битком. Маленькая сцена с любовью подготовлена и началу самими участниками спектакля, приком руководит главный режиссер А. Куляков.

А затем спектакль. Кулеп-самодур Ахов вызывает единодушную ненависть зрителей: «Во, проклятый кулеп, чего захотел!», «Дер-

жись, Дарья, не выдавай за него докучу». И так в течение всего действия — умное и сердечное, взволнованное и предостерегающее внимание зрителей. Они открыто и иронично комментируют происходящее как бы самой своей совестью: «Тах нельзя!», «Этого не делай!» И — в последней сцене — торжествующий, радостный смех сопровождает каждое слово бедной вдовы Кругловой, смело отчитывающей Ахова.

После представления в пустом зале местная молодежь окружила режиссера, и он, уставший после исполнения роли Ахова, говорит о Станиславском, о его художественных заветах, о народном самодеятельном искусстве. А в конце до бааллет:

— Завтра, в шесть вечера, читка новой пьесы. Какой? Пока секрет. Но героями ее будут наши современники.

Не нужно и бесплодно противопоставление районных профессиональных театров районному же, на родному. Но почему, к примеру, Дальне-Константиновский народный театр имеет своего постоянного зрителя, а в «Домике в овраге» в зале сидело человек пятнадцать?

Проматривая один за другим серые, однообразные, непрофессиональные спектакли районных драматических театров, невольно ощущаешь, как притупляется вкус, как утрачивается само понятие театрального искусства. И невольно ловишь себя на мысли: а если из года в год смотреть такие представления людям, никогда не видевшим «Трех сестер» в МХАТе или «Васку Железную» с В. Н. Пашенной, не имеющим примеров для сравнения? Во благо ли пойдет это? Каково тем, чьи эстетические потребности все же будут удовлетворяться спеклами типа «Третьей головы», «Сибирской новеллы», «Домика в овраге» или им подобных?

УЖЕНО глядеть правде в лицо! Районные драматические театры в значительной своей части утратили основное назначение — нести подлинное искусство в народ они утратили художественный ансамбль, они не имеют ясной и четкой творческой политики — в результате они теряют или уже растеряли зрителя.

Наши наблюдения не ограничиваются пределами Горьковской области. Состояние художественной жизни районных театров повсюду стало более или менее одинаковым. Здесь еще много неясного, а порой и тревожащего. Бесспорно одно — многое зависит от организации театрального дела на местах.

Неужели нет выхода? Думается, есть. Почему не последовать примеру Нюстромского областного драматического театра имени А. Н. Островского: при его весьма скромных возможностях он открыл для себя в районном центре Нерехте, где будто бы нет спектаклей, основной сцены силами ведущих состава труппы. Почему не создать в области, автономной республике один, от силы два межрайонных театра с постоянной базой, обеспеченными, необузыточным бюджетом с полноценным актерским ансамблем и, наконец, с постоянными, а не «кочующими» режиссерами, любящими свой театр, заботливо воспитывающими творческий коллектив. Лучше меньше, да лучше!

Это и будет настоящее, непоказное уважение к зрителю, к народу, подлинная забота о его эстетическом воспитании.

Л. МУРАВЬЕВА.
(Наш спец. корр.)

Горьковская область.